

УДК 81'23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Моргун А.В., к. филол. н.,
доцент кафедры филологических дисциплин
Мукачевский государственный университет

Автор статьи доказывает, что изучение словообразования как системы дает возможность рассматривать словообразовательный акт как способ номинации предметов и явлений объективного мира, а словообразование – как связующее звено между предметом мысли и языковым знаком.

Ключевые слова: психолингвистика, словообразование, словообразовательная парадигма, типовая словообразовательная парадигма, словообразовательное значение, зооним.

Автор статті доводить, що вивчення словотвору як системи дає можливість розглядати словотвірний акт як спосіб номінації предметів і явищ об'єктивного світу, а словотвір – як сполучну ланку між предметом думки та мовним знаком.

Ключеві слова: психолінгвістика, словотвір, словотвірна парадигма, типова словотвірна парадигма, словотвірне значення, зоонім.

Morgun A.V. PSYCHOLINGUISTIC ASPECT OF RUSSIAN WORD-FORMATION

The author argues that the study of word formation as a system makes it possible to consider the act of derivation as a way of nomination of objects and phenomena of the objective world and word formation as a link between the object of thought and linguistic sign.

Key words: psycholinguistics, derivation, derivational paradigm, typical derivational paradigm, derivational meaning, zoonym.

Постановка проблемы. Анализ языка в общечеловеческом и национально-специфическом аспектах, ориентация научного знания на человека и его потребности является характерной тенденцией современной лингвистики. Актуализуются такие проблемы, как связь культуры народа и семантики языка, образа мышления и словесного обозначения предметов и понятий.

На первое место выдвигаются вопросы взаимодействия языка, мышления и сознания, которые продолжают оставаться дискуссионными. Язык находится в тесных взаимоотношениях с мышлением, сознанием и логикой, поскольку он не только выражает конкретное содержание мысли (семантический уровень мышления), но и закрепляет логику мышления (логический уровень мышления).

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованием проблем взаимодействия языка и мышления, языка и сознания, проблемы становления человеческого сознания в онтогенезе, филогенезе и возникновения знаковости мышления занимается психолингвистика, ориентированная на философские проблемы языкознания и психологии.

Следует отметить, что психолингвистические идеи возникли еще в начале XIX столетия, предтечей которых являлся создатель научной лингвистики – Вильгельм фон Гумбольдт. Именно ему принадлежит идея речевой деятельности и понимания языка как связующего звена

между социумом и человеком. В. фон Гумбольдт писал о том, что язык – это часть культуры. По его мнению, язык является главной деятельностью не только человеческого духа, но и национального духа. В понятие «национальный дух» у В. фон Гумбольдта входит психический состав народа, образ его мыслей, философия, наука, искусство и литература. Ученый утверждал, что «дух народа» и язык настолько тесно связаны друг с другом, что если существует одно, другое можно вывести из него [8].

Ключевым моментом теории В. фон Гумбольдта является понимание языка как «промежуточного мира», который находится между народом и окружающим его объективным миром: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [8, с. 4]. Человек, по мнению В. фон Гумбольдта, оказывается в своем восприятии мира целиком подчиненным языку. В. фон Гумбольдт полагал, что язык является одновременно и знаком, и отражением. Язык определяет мышление, превращает окружающий мир в идеи, «вербализует» их.

Последователем Вильгельма фон Гумбольдта был русский языковед А.А. Потёбня, который утверждал, что речевой акт – это явление исключительно психическое, но язык, слово вносят в этот акт культурное, социальное начало [18].

Постановка задания. На основе вышеизложенного можно сформулировать задание исследования, которое заключается в том, чтобы доказать, что изучение словообразования как системы дает возможность рассматривать словообразовательный акт как способ номинации предметов и явлений объективного мира, а словообразование как связующее звено между предметом мысли и языковым знаком.

Изложение основного материала исследования. В сознании любой «языковой личности» существует совокупность знаний и представлений об окружающей действительности, присущих каждой национальной культуре. Образ мира в сознании человека состоит из большого количества понятий и связанных с ними ассоциаций. Без владения такого рода знаниями возможность полного понимания как внутри одной культуры, так и между различными культурами исчезает. Взаимозависимость языка и культуры обуславливает появление национально-культурного компонента в значении слова, который предусматривает сравнение с семантической системой другого языка.

«Любое слово нашей речи, прежде чем получить современное обиходное значение, прошло сложную семантическую историю, ведущую нас, в конечном счете, к начальным словотворческим усилиям человека. Из каждого слова, которое мы употребляем, глядит на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысячелетий» [1, с. 14]. И поэтому данное утверждение дает нам возможность рассматривать словообразовательный акт как способ номинации предметов и явлений объективного мира, а словообразование как процесс «установления связи между предметом мысли и языковым знаком, то есть, в конечном счете, как когнитивный акт, позволяющий проникнуть в тайны механизма взаимодействия жизни и языка» [6, с. 27].

Словообразовательный акт как акт предикации еще в прошлом веке рассматривал П.А. Флоренский, отмечая, «что слово, понимаемое узко, должно рассматриваться как свившееся в комок предложение и даже целая речь. А предложение – как распустившееся свободно слово» [22, с. 127]. Это утверждение позволяет рассматривать производное слово как «возможность понять привычки сознания, узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая к его концептуализации мира» [6, с. 27].

Словообразовательная система не является застывшим конгломератом раз и навсегда данных сущностей. Она представляет собой наименее статичный языковой

уровень, имеющий характер «подвижной системы, отличающейся скорее возможностями развития, чем реализацией всех возможностей, заложенных в системе в виде готовых формул производных и их моделей» [10, с. 14].

«В производном слове как в языковой структуре представления знаний ярче, чем в других, немотивированных словах, высвечивается такой семиотический концепт, введенный Ч. Пирсом, как «интерпре-тант», поскольку именно здесь нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека, обладающего свободой выбора «стратегии интерпретирования» [6, с. 27].

Особый интерес представляет выявление национально-культурной специфики в образной картине мира на материале зоонимической лексики, что обусловлено той ролью, которую традиционно выполняют зоонимы в сознании «языковой личности». Это подтверждается частым их использованием в художественной литературе, публицистике, в повседневном общении.

Термин «зооним» трактуется как нарицательное существительное, в своем первичном значении служащее наименованием животного.

Анализ значений зоонимов требует учета социолингвистических факторов. Для того чтобы определить эти значения, необходимо располагать информацией о месте соответствующего денотата в системе культурных представлений носителей языка. Так, например, латиноамериканские индейцы куна имеют двойные названия для большинства животных: одно для обозначения их днем, другое – ночью [9, с. 124]. Корреляция между языком и экстралингвистической реальностью – актуальная социолингвистическая проблема. В языке отражается социальная, профессиональная и культурная дифференциация общества. Как отмечает Т.М. Беляева, «активность основ в словопроизводстве зависит не от их потенции, а от степени их участия в образовании таких дериватов, которые возникают в языке из потребностей общения» [4, с. 41]. В процессе жизнедеятельности человек проявляет определенное отношение к окружающему миру, для него характерна определенная избирательность, заинтересованность в выделении одних объектов действительности по сравнению с другими. Часто в поисках лингвистического значения возникает желание «отгородиться» от экстралингвистических факторов. Однако до сих пор никому не удалось точно определить границу между

интралингвистической и экстралингвистической реальностью. «Между тем одна из целей лингвистической семантики состоит в том, чтобы показать, как в значении слова отражается и преобразуется именно внеязыковая действительность» [12, с. 50].

М.Д. Степанова отмечает, что «внутренняя семантическая валентность <...> связана в значительной степени с экстралингвистическими факторами, что отражается в явлении «семантического согласования» [19, с. 92], то есть она определяется объективной действительностью, условиями жизни общества, и поэтому является изменчивой как территориально, так и во времени. Характер и сферы социального взаимодействия между членами общества тесным образом связаны с характером и сферами языкового взаимодействия. Действительно, одно и то же животное не встречается на каждом шагу, так как связано с определенным местом обитания. Кроме того, в разное время в зависимости от потребностей человека оно может разводиться или не разводиться; это определяется степенью полезности или необходимости. Проблемы, существующие в языке, «не могут решаться без учета социолингвистических, психологических, логических, этнографических и других учений своего времени» [16, с. 53].

В нашем исследовании мы рассматриваем класс нарицательных зоонимов как целостный лингвистический объект. Наименования животных входят в лексическую систему языка как определенный семиологический класс, члены которого характеризуются идентифицирующими семами «одушевленность» и «животное». Специфика этого класса заключается в том, что в нем объединяются, с одной стороны, общеупотребительные наименования животных, с другой – термины. Как известно, термин – это «элемент определенной научной области. Его план содержания – внеязыковая действительность, искусственно формируемая в данной научной системе, а план выражения – языковые элементы своего или чужого языка и искусственно отобранные терминологические элементы. Любой термин – не всенародное достояние, а составная часть понятийного аппарата, которым пользуется ограниченный круг специалистов» [21, с. 107]. А.М. Кузнецов отмечает: «Хотя различие между общеупотребительным и специальным словарями, по-видимому, будет существовать всегда, поскольку с расширением и углублением образованности общества происходит дальнейшая специализация науки и производства, многие слова-термины становятся все более

общедоступными и их терминологическое и нетерминологическое значения все чаще совмещаются» [11, с. 27]. Обычная трактовка соотношения общеупотребительной и терминологической лексики сводится к следующему: «Данное соотношение определяется, с одной стороны, «специальным» назначением слов-терминов, имеющих сравнительно узкую сферу применения, а с другой – универсальностью, практической незамкнутостью использования слов общеупотребительных» [14, с. 123].

При разграничении материала по параметру «терминологичность – общеупотребительность» возникают «проблемы соотношения понятия и значения, значения и смысла, системного и индивидуального, бытового и научного в значении, проблема чувственного и логического в содержании слова» [20, с. 3]. По мнению И.А. Стернина, «если какой-либо знак используется как в узкоспециальной, так и в широкой сферах общения, то у данного знака в его значении заключено не два различных понятия, а одно. В разных же сферах общения это значение реализуется в «бытовом» или «научном» смысле на разном уровне глубины, в зависимости от ситуации» [20, с. 72]. В свое время А.А. Потенция отмечал, что языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слова только до известного предела. Без этого ограничения языкознание включало бы в себя еще и содержание всех прочих наук. Он формулирует положение о том, что под значением слова следует понимать две разные вещи: это ближайшее значение слова, которое должно изучаться языкознанием, и дальнейшее, составляющее предмет других наук [17, с. 19–20].

В последнее время все большее распространение получает функциональная точка зрения на специфику термина: «Термин – это не особый вид лексической единицы, а особая функция, вид ее употребления» [7, с. 9]. Это утверждение справедливо для тех случаев, когда граница между общеупотребительным и терминологическим использованием лексемы не является жесткой. Именно такие взаимоотношения характерны для наименований животных. В лингвистической литературе данный факт отмечен. Так, в некоторых исследованиях нарицательные зоонимы трактуются двояко: либо как терминологические названия животных [5], либо как общеупотребительные наименования [13; 23]. В нашем исследовании предпринимается попытка разграничения наименований животных: терминов и зоонимов, бытующих в общем употреблении по словообразовательным параметрам.

Рассматривая класс зоонимов как совокупность лексем, часть из которых характеризуется большей терминологичностью, часть – меньшей, мы придерживаемся точки зрения, что «терминологическое словообразование в целом повторяет словообразование, присущее словам общей лексики» [4, с. 105]. В то же время терминосистемы, обычно формирующиеся сравнительно быстро, используют преимущественно те словообразовательные средства, которые продуктивны на определенном этапе развития языка. Это обуславливает целый ряд словообразовательных различий между терминологической и нетерминологической лексикой одного семиологического класса. Кроме того, при формировании терминосистем используется большее или меньшее количество слов, бытующих в общем употреблении. Их основное отличие от терминологической лексики – наличие переносных значений. Это сказывается на объеме типовой словообразовательной парадигмы. Зная закономерности проявления словообразовательной активности и формирования словообразовательных парадигм общеупотребительных зоонимов, можно определить словообразовательные особенности слов, характеризующихся терминологичностью, так как «терминосистемы существуют в составе определенных лексических систем того или иного языка и подчиняются законам этого языка» [3, с. 7].

Тот факт, что зоонимы функционируют и в роли общеупотребительных наименований, и в роли терминов, определенным образом влияет на их словообразовательную активность, которая трактуется как словообразовательная потенция, реализованная в виде узуально закрепившихся в языке слов [4]. Если для словообразовательной парадигмы зоонимов – общеупотребительных наименований характерны модификационные и мутационные (и синтагматические) словообразовательные значения, то для словообразовательной парадигмы зоонимов-терминов характерны лишь мутационные (и синтагматические) словообразовательные значения.

Состав типовой словообразовательной парадигмы зоонимов с учетом их функционального разграничения (зоонимы как общеупотребительные и как терминологические наименования животных) представляет собой в данном случае двучленную структуру: словообразовательные значения, характерные для зоонимов – общеупотребительных наименований и словообразовательные значения зоонимов-терминов. Таким образом, в нашем материале имеется не одна, а две типовые

словообразовательные парадигмы: типовая словообразовательная парадигма общеупотребительных зоонимов и типовая словообразовательная парадигма зоонимов-терминов.

Выделяя типовую словообразовательную парадигму зоонимов-терминов, мы исходим из определения предмета зоологии: «Зоология всесторонне изучает животный мир Земли <...>, его происхождение, развитие, современное состояние и значение для человека» [15, с. 5]. Поэтому те словообразовательные значения, которые указывают на определенную роль в жизни человека или связаны с ней, мы включаем в типовую словообразовательную парадигму зоонимов-терминов. Например, это такие значения, как «лицо», «место», «мясо», «сфера занятий», «охотиться на данное животное». Исключая в принципе модификационные словообразовательные значения из состава типовой словообразовательной парадигмы зоонимов-терминов, мы считаем возможным сохранить семантические места «невзрослость» и «самка» в составе этой типовой словообразовательной парадигмы, ограничивая количество этих производных нейтральными словообразовательными типами.

Определение типовой словообразовательной парадигмы зоонимов подчеркнуло необходимость более четкого разграничения зоонимов-терминов и зоонимов – общеупотребительных слов. Если лексически эти две группы зоонимов можно разграничить по признаку «отсутствие / наличие» переносных значений, то в словообразовательном отношении для них характерны разные наборы (составы) семантических мест в типовых словообразовательных парадигмах: в типовой словообразовательной парадигме зоонимов-терминов полностью отсутствуют модификационные словообразовательные значения. Дискуссионным является вопрос о принадлежности к типовой словообразовательной парадигме зоонимов-терминов словообразовательных значений «самка» и «детеныш».

Выводы из проведенного исследования. Таким образом, представленный в статье фрагмент анализа словообразовательной активности семиологического класса зоонимов свидетельствует о том, «что при репрезентации языковой картины мира словообразовательные средства используются весьма избирательно» [6, с. 47]. Однако именно словообразование благодаря производному слову позволяет создать модель представления знаний об окружающем нас мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абаев В.И. Язык и мышление / В.И. Абаев. – М. : Изд-во АН СССР, 1948. – 320 с.
2. Аكوпова С.Л. О зоонимической лексике / С.Л. Аكوпова // Русский язык в школе. – 1983. – № 3. – С. 89–91.
3. Баранникова Л.И. Особенности проявления действия экстралингвистических факторов в лексических системах и подсистемах / Л.И. Баранникова // Язык и общество. Роль экстралингвистических факторов в развитии лексических подсистем. – 1989. – С. 3–9.
4. Беляева Т.М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке / Т.М. Беляева. – М. : Высшая школа, 1979. – 184 с.
5. Васильева Э.В. Семантическая характеристика зоонимов на микро- и макроуровне / Э.В. Васильева // Семантика слова и его функционирование. – Кемерово : Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1981. – С. 28–34.
6. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – 1999. – № 2. – С. 27–49.
7. Гонцова С.А. Словообразование в научно-технической терминологии / С.А. Гонцова. – Алма-Ата : Рауан, 1990. – 94 с.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; общ. ред. Г.В. Рамишвили ; послесл. А.В. Гулыги, В.А. Звегинцева. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
9. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1969. – 192 с.
10. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 78 с.
11. Кузнецов А.М. Семантика слова и внеязыковые знания / А.М. Кузнецов // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. – Кишинев : Штиинца, 1982. – С. 26–33.
12. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.
13. Михайлова Е.В. Русский язык и культура речи / Е.В. Михайлова, Д.А. Голованова. – М. : Озон, 2008. – 144 с.
14. Михайловская Н.Г. К вопросу о «специальных» словах в составе лексико-семантической группы / Н.Г. Михайловская // Терминология и культура речи. – М. : Наука, 1981. – С. 123–134.
15. Наумов Н.П. Зоология позвоночных / Н.П. Наумов, Н.Н. Карташов. – М. : Высшая шк., 1979. – 333 с.
16. Попова З.Д. Проблемы теории языкознания в лингвистической концепции / З.Д. Попова // Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в высшей школе. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – С. 51–56.
17. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
18. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – К. : СИНТО, 1993. – 192 с.
19. Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ (на материале современного немецкого языка) : [учебное пособие] / М.Д. Степанова. – М., 1973. – 110 с.
20. Стернин И.А. Проблема анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.
21. Общая терминология: Вопросы теории / [А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева]. – М. : Наука, 1989. – 246 с.
22. Флоренский П.А. Термин / П.А. Флоренский // Вопросы языкознания. – 1989. – № 1. – С. 121–133.
23. Юсупова Н.Г. Структура словообразовательных парадигм зоонимов / Н.Г. Юсупова // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент : Укитувчи, 1982. – С. 298–301.